

С.В. Решетников

**СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ
В ДВИЖЕНИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ: СЛУЧАЙ С.Е. САПОЖНИКОВА¹**

Аннотация. Статья анализирует индивидуальные стратегии выживания советских военнопленных во Франции во время Второй мировой войны на материале биографии майора Красной армии Степана Евгеньевича Сапожникова (1901–1944). На основании переписки, мемуаров и административно-делопроизводственных материалов реконструируется последовательность перехода «от плена к Сопротивлению»: побег из трудового лагеря в Па-де-Кале; установление доверительных контактов с местными жителями; включение в сеть Французского Сопротивления *Organisation civile et militaire* (ОСМ-138) округа Суассона; участие в подпольных операциях и вооруженных действиях в 1943–1944 гг. Работа сочетает микроисторический и биографический подходы, сопоставляя макроуровневые ограничения оккупационного режима с выбором узника на микроуровне. Показано, что четыре взаимосвязанные стратегии – материальная, организационная, социально-коммуникативная и вооруженная – образуют единую траекторию, зависящую от наличия локальной инфраструктуры подполья и гражданского посредничества. Гибель Сапожникова в августе 1944 г. и последующие коммеморативные практики закрепили интеграцию советского офицера в локальную память Французского Сопротивления. Полученные результаты уточняют место советских военнопленных в истории французского подполья и показывают условия, при которых индивидуальные практики выживания преобразуются в участие в движении Сопротивления, т. е. как побег из лагеря конвертируется в вооруженную борьбу.

Ключевые слова: Вторая мировая война; европейское движение Сопротивления; Французское Сопротивление; стратегии выживания военнопленных; советские военнопленные; советские военнопленные во Франции; С.Е. Сапожников; *Organisation civile et militaire*.

Решетников Степан Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела новой и новейшей истории Института всеобщей истории РАН. Россия, Москва.

E-mail: reshehistorien@gmail.com

Scopus Author ID: 57815685300

Web of Science Researcher ID: OIT-2977-2025

ORCID: 0009-0004-5831-4552

1. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075-15-2024-537).

Reshetnikov S.V.

**Survival Strategies of Soviet Prisoners of War in the Resistance
Movement: The Case of S.E. Sapozhnikov**

Abstract. *The article analyzes the individual survival strategies of Soviet prisoners of war in France during World War II through the biography of Red Army Major Stepan Evgenievich Sapozhnikov (1901–1944). Drawing on correspondence, memoirs, and administrative records, it reconstructs a sequential transition “from captivity to resistance”: escape from a labor camp in Pas-de-Calais; the forging of trust-based contacts with local residents; integration into the French Resistance network Organisation civile et militaire (OCM-138) in the Soissons district; and participation in clandestine operations and armed actions in 1943–1944. The study combines microhistorical and biographical approaches, juxtaposing the macro-level constraints of the occupation regime with the prisoner’s micro-level choices. It shows that four interlinked strategies – material, organizational, socio-communicative, and armed – form a single trajectory contingent on the availability of local clandestine infrastructure and civilian mediation. Sapozhnikov’s death in August 1944 and subsequent commemorative practices consolidated the integration of a Soviet officer into the local memory of the French Resistance. The findings refine the place of Soviet POWs in the history of the French underground and identify the conditions under which individual survival practices were transformed into participation in the Resistance movement – that is, how escape from a camp was converted into armed struggle.*

Keywords: *World War II; European Resistance movement; French Resistance; POW survival strategies; Soviet prisoners of war; Soviet prisoners in France; S.E. Sapozhnikov; Organisation civile et militaire.*

Reshetnikov Stepan Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Research Fellow, Department of Modern and Contemporary History, Institute of World History, Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.

E-mail: reshehistorien@gmail.com

Scopus Author ID: 57815685300

Web of Science Researcher ID: OIT-2977-2025

ORCID: 0009-0004-5831-4552

Введение

В условиях Второй мировой войны военнопленные, оказавшиеся интернированными противником, вырабатывали различные стратегии выживания. Большинство из них ограничивались пассивным ожиданием собственной участи или окончания войны, меньшинство избрало побег, пытаясь с помощью этого как пережить войну в других условиях, так и продолжить борьбу с врагом. Исследования, посвященные военнопленным на оккупированных территориях Западной Европы, ранее фокусировались в основном на геноцидном преследовании и функционировании лагерей смерти. Только недавно ученые начали уделять внимание сложностям нацистской политики в отношении во-

еннопленных, показав, что выживание зависело от ранее не известных факторов, таких как национальная идентичность [Domènech, Jesús 2021, p. 351–382] и принадлежность к вооруженным силам стран антигитлеровской коалиции [Jacques 2021, p. 362–383]. В то же время было написано сравнительно немного работ, посвященных стратегиям выживания военнопленных. В них отмечалось, что шансы выжить повышали структура лагеря и его иерархия [Holderness, Pontiff 2012, с. 1873–1886]; театральные представления [Emeljanow 2015, p. 269–286]; наличие социальных связей и способность к социальной адаптации [Сак 2025].

Выбор данного региона неслучаен. Франция была страной, где находился многочисленный контингент иностранных перемещенных лиц. В годы Второй мировой войны на территории Франции находились следующие категории иностранных перемещенных лиц (по массовости): около 150 тыс. советских граждан [Решетников 2023, с. 749], 50 тыс. итальянцев [D’Abzac-Epezy 2009, p. 98] и до 9 тыс. испанцев-республиканцев [Peschanski 2002, p. 236]. В то же время положение советских граждан во Франции носило особый характер: они фактически не пользовались защитой Женевской конвенции, были лишены возможности получения помощи от представителей Международного Красного Креста, права на связь с семьями. Все это создавало для них более тяжелые условия по сравнению с военнопленными других армий. Обращение к опыту советских граждан позволяет не только реконструировать специфику содержания, но и понять, почему часть из них, даже в тяжелейших условиях плена, стремилась вернуться к вооруженной борьбе, в отличие от многих других иностранных перемещенных лиц.

Важно понять, каким образом советский военнопленный переходил от пассивной роли узника к активному участию в движении Сопротивления. Для этого необходимо обратиться к «социальной фабрике формирования личности» [Raynaud 2022, p. 265] пленного. В этом отношении показателен пример майора Красной армии С.Е. Сапожникова: он являлся одним из самых высокопоставленных советских офицеров среди военнопленных на момент своего пребывания во Франции.

Советские граждане во Франции (1941–1944)

Первые советские граждане начали прибывать во Францию уже в 1941 г., когда численность германских оккупационных войск на Западе сократилась вследствие их переброски на Восточный фронт. После июня 1941 г. в Северной Франции вспыхнула массовая забастовка французских шахтеров, серьезно нарушившая добычу угля. Акция, проходившая с 27 мая по 9 июня, собрала около 100 тыс. шахтеров (примерно 80% от общего числа в бассейне), став одной из крупнейших и наиболее значимых форм рабочего сопротивления

в оккупированной Европе [Dejonghe 1987, p. 323–345]. Столкнувшись с острой нехваткой рабочей силы, оккупационные власти предприняли меры по восстановлению добычи. Освободившиеся рабочие лагеря при объектах организации Тодта, ранее занятые контингентами, направленными в СССР, стали заполняться новыми группами, среди которых оказались и советские военнопленные.

Летом 1942 г. в угольный бассейн Нор и Па-де-Кале были направлены новые контингенты рабочей силы: около 2 тыс. советских гражданских лиц, свыше 6 тыс. военнопленных, захваченных на юго-западном направлении, а также около 1,5 тыс. сербов, вывезенных с Балкан [Dejonghe 1988, p. 731–738]. Их распределили по десяти лагерям, располагавшимся от Марль-ле-Мин (Па-де-Кале) до бельгийской границы. Согласно данным Центрального комитета советских пленных, – организации, объединявшей советских граждан во Франции, к марту 1944 г. на территории страны функционировало более 20 лагерей, в которых удерживались как военнопленные, так и гражданские лица общей численностью 15 тыс. человек [Документы об участии, л. 1].

Бомон-ан-Артуа в Па-де-Кале был крупнейшим лагерем с советским контингентом во Франции. С 1942 г. сюда прибывали в основном гражданские лица, а также солдаты и офицеры, плененные в бою или бежавшие из лагерей на Украине. Лагерь выполнял функцию транзитно-трудового центра, обеспечивая рабочей силой, в том числе, стратегически важные шахты Ланса и соседние коммуны. Одним из направленных был майор Красной армии Степан Евгеньевич Сапожников.

Выходец из казачьей семьи Оренбургской области, он с 1920 г. служил в Красной армии, окончил Ташкентское офицерское училище (1925) и сделал карьеру в артиллерийских подразделениях. В период «Большого террора» Сапожников был арестован, однако вследствие отсутствия состава преступления освобожден и уволен в запас. В течение двух последующих лет он преподавал военное дело в Оренбургском педагогическом институте. После двух лет преподавания он был возвращен в армию и был принят в 25-ю «Чапаевскую» дивизию [Письма участников зарубежного Сопротивления, л. 7]. В его служебной аттестации в 69-м артиллерийском полку от ноября 1940 г. говорилось: «За время пребывания в полку показал себя как один из лучших командиров, добросовестный, аккуратный, усидчивый, сообразительный командир. Начатое дело до конца довести может. Энергичен, инициативен, исключительно добросовестен. Требователен к себе и подчиненным» [там же, л. 11–12]. С началом Великой Отечественной войны командовал дивизионом 25-й «Чапаевской» дивизии, участвовал в боях на Днестре, под Кагулом и Рени, за что был награжден медалью «За отвагу» (1941) [Наградной документ, л. 5]. Впоследствии участвовал в обороне Одессы и Севастополя, где, занимая должность начальника штаба 69-го артиллерийского полка той же дивизии, отличился в организации снабжения и боевых действий, за что удостоился ордена Красной

Звезды (1942) [там же, л. 45]. Своему брату он писал: «Орден, которым меня наградило правительство – зовет к еще лучшей работе, к еще большим делам во славу нашей родины, к беспощадному разгрому и окончательному уничтожению ненавистного фашизма» [Материалы Сапожникова, л. 1]. С.Е. Сапожников проявлял себя как целеустремленный офицер, для которого патриотизм и борьба с врагом были ключевыми жизненными ориентирами.

После тяжелого ранения при обороне Севастополя и пребывания в полевом госпитале в июле 1942 г. С.Е. Сапожников вместе с морским пехотинцем Анатолием Никитовичем Плахотнюком оказался в плену и был помещен во временный лагерь военнопленных в Крыму². Едва восстановившись, Сапожников планировал побег в горы к партизанам. Однако к марту его с Плахотнюком перевели в Херсон, а затем во Францию, в шахты Ланса в Па-де-Кале [Вайнштейн 1964 (20 февраля), с. 2]. Наличие замысла побега у С.Е. Сапожникова уже на этапе пребывания в крымском лагере свидетельствует о том, что побег рассматривался им не только как средство физического спасения, но и как экзистенциальная форма сохранения воинской чести и возможность продолжения вооруженной борьбы. Мотивация продолжить борьбу против оккупантов своей родины, через побег, без знания языка и отсутствия связей была характерна для многих советских военнопленных: из примерно 15 тыс. граждан, содержащихся в лагерях Нор и Па-де-Кале, не менее 1440 человек (около 10%) к концу войны вступили в партизанские формирования на севере Франции [Решетников 2025, с. 211].

Материальная стратегия выживания

25 мая 1943 г. С.Е. Сапожников и А.Н. Плахотнюк совершили побег и более трех месяцев скрывались в лесах, перемещаясь по ночам от селения к селению. Побег был поддержан французскими горняками, которые сумели передать узникам два штатских костюма, подробную карту Франции и небольшой запас продуктов. После успешного бегства, их поддерживали местные крестьяне, делились с ними продовольствием, снабжали одеждой и указывали безопасные пути. Преодоление более 150 км от шахт Ланса до района Нуврон-Вингре (департамент Эна) потребовало от Сапожникова и Плахотнюка выносливости, скрытности и постоянной импровизации при обходе облав и блокпостов [Письма участников, л. 16].

Лишь 5 сентября 1943 г., спустя три месяца после побега, они добрались до коммуны Нуврон-Вингре (16 км от г. Суассон) и обратились к фермеру Клеберу Буржа, связанному с местной ячейкой Сопротивления. По воспо-

2. В документах числился с октября 1942 г. пропавшим без вести [Приказ об исключении из списков, л. 255].

минаниям Буржа «Они не говорили по-французски, но сумели дать понять, что русские и бежали с шахт Па-де-Кале... [...] Убежали потому, что не хотели работать на немцев. Мы их накормили, дали одежду и обувь, продукты. Через несколько дней они пришли снова. Мы их встретили как старых друзей, так как ненавидели оккупантов, и с большой надеждой следили за борьбой советского народа с немецкими захватчиками. Степан и Анатолий были очень рады такой встрече» [там же, л. 17]. По словам Буржа, советские военнопленные хотели продвигаться на юг, в неоккупированную зону Франции, но он отговорил их из-за высокой опасности маршрута. При втором контакте он дал понять, что связан с Сопротивлением, что обрадовало Сапожникова и побудило его просить о приеме себя и Анатолия [там же]. Повторный контакт с Сопротивлением отражает типичную логику французских подпольщиков того времени, устанавливавших «порог включения»: новичок проходил проверку на надежность перед полноценным вступлением в сеть [Douzou 1997, p. 9–20].

Побег из лагеря для советских военнопленных был первым шагом и не гарантировал немедленного включения в борьбу. Побег происходил в условиях особого риска: немецкие власти жестоко карали не только беглецов, но и тех, кто оказывал им помощь, вплоть до публичных расстрелов и депортации в концлагеря. Масштаб и формы наказания, включая депортации, заключение и внесудебные казни, варьировались в зависимости от департамента [Marcot 2006, p. 433]. Нуврон-Вингре находился в зоне, подчиненной военному управлению, где действовали трибуналы и депортации. Любой акт диверсии вызывал карательные экспедиции. Всего за годы оккупации в Нор и Па-де-Кале было арестовано около 18 тыс. человек, 465 казнены и свыше 1,4 тыс. депортированы [Thiery 2013, p. 215]. Таким образом побег и помощь беглецу требовал мужества сопоставимого с непосредственным участием в боевых действиях. Однако важно отметить, что не все советские граждане решались вступать в партизанские отряды: одни стремились «пересидеть» войну, другие видели в побеге возможность перехода к вооруженной борьбе [Федоров 2016, с. 194].

Из этого эпизода следует, что условиями выживания были: поиск пищи и одежды, обретение временного укрытия и безопасное передвижение с обходом постов, что можно отнести к материальной стратегии выживания, направленной на обеспечение базовых потребностей и минимальной безопасности в условиях оккупационного режима.

Организационная стратегия выживания

К. Буржа входил в локальную ячейку сети «Гражданская и военная организация» (Organisation civile et militaire – ОСМ), действовавшую в округе Суассона (в 90 км от Парижа) под руководством Габриэля Коше. Коше родился 21 июля 1904 г. в семье мелких фермеров. Работал директором зерновых эле-

ваторов в Вик-сюр-Эн, где установил хорошие отношения с местными жителями. Его первый акт сопротивления произошел летом 1940 г., когда он поджег аварийно приземлившийся французский истребитель, чтобы предотвратить захват техники противником. В 1941–1942 гг. он вместе с другом Андре Батай-яром собрал вокруг себя в Вик-сюр-Эн ядро единомышленников из соседних деревень, включая Нуврон-Вингре [Ruelle 1999–2001, p. 229]. В начале 1943 г. Коше покинул Армию добровольцев и перешел в ОСМ округа Суассон. Он стремился перейти к активным диверсиям против оккупантов, но без риска массовых репрессий против местных жителей [Ruelle 1999–2001, p. 233]. Сама сеть ОСМ, сформированная преимущественно представителями офицерской среды и ориентированная на де Голля, с самого начала отличалась выраженной военной направленностью и приоритетом вооруженных форм борьбы. К 1943 г. она развернула в департаменте Эна широкую подпольную деятельность, организуя нумерованные боевые отряды [Service historique de la Défense, p. 18]. Одновременно организация формировала зачатки гражданского аппарата де Голля, привлекая промышленников, чиновников и работников связи для сбора экономических и военных данных.

Под руководством Коше была образована локальная сеть ОСМ-138, которая выросла до 200–240 участников, объединенных в малые группы с четкой иерархией из местных служащих и местных жителей. Параллельно с организацией структуры Коше продолжал разведку – собирал сведения о укрепленных объектах и лагерях немцев, передавая их в Лондон, готовя сеть к будущим боевым действиям по случаю освобождения. Коше уделял особое внимание транспортной инфраструктуре: собранные через его сеть данные позволили Британским ВВС разрушить железнодорожный туннель и тем самым парализовать линию Париж – Лаон. Отряд под его руководством спасал союзных летчиков, укрывая и переправляя их в Англию. Первая успешная операция прошла 31 декабря 1943 г., более сложная – в апреле 1944 г., когда троим сбитым летчикам обеспечили укрытие, лечение, помощь и переправку в безопасное место.

В это время в 1943 г. в ряде регионов Франции, на местах начался процесс «милитаризации маки», превращая беглецов и уклонистов («маки») от работы на германскую военную промышленность в боеспособные формирования посредством обучения обращению с оружием и дисциплине [Gastaut 2024, p. 7]. В этом ключе можно говорить об организационной стратегии выживания, когда сеть ОСМ целенаправленно встраивала беглеца уже в существующую подпольную инфраструктуру – с военной иерархией, оружием и планом действий на случай союзной высадки. Такая интеграция повышала шансы уцелеть и перейти от пассивного укрытия к вооруженной борьбе. В этих условиях бывшие военнослужащие РККА с боевым опытом выступали ускорителями процесса, как инструкторы, планировщики и организаторы.

Социально-коммуникативная стратегия выживания

Постепенно между советским майором, его товарищем-морским пехотинцем и французскими крестьянами-сопротивленцами установилось доверие. Общая цель – изгнание оккупантов – сгладила языковые и культурные барьеры. Интересно, как один из местных жителей, 19-летний Пьер Лагард, описывал Сапожникова и Плахотнюка: «Один из них был подполковник (прим. Сапожников) – высокий, статный. Другой – словно монгол: невысокий, приземистый, с короткими кривыми ногами – должно быть, слишком рано посадили в седло. У первого – прямой, умный взгляд; у второго – низкий лоб, беглые глаза; внимателен он был лишь к своему начальнику» [Lagarde 1979, р. 2–3]. Это описание отражает типичное восприятие французским крестьянином «других» солдат, при этом подчеркивает, что бывшие советские военнопленные сохраняли в ОСМ-138 воинскую субординацию.

По косвенным данным удалось выявить, что именно после присоединения к сети ОСМ-138 двух бывших советских военнопленных у Г. Коше появилась идея атаковать крупную цель – цистерны со спиртом на местном заводе. В ноябре 1943 г. Коше вместе с соратниками подготовил диверсию против четырех емкостей, реквизированных немцами для отправки в Германию. Первая попытка оказалась неудачной: Коше, еще неопытный в подрывном деле, забыл раздавить детонаторы. Осознав ошибку, он на следующий день вернулся и довел операцию до конца. Утром 27 ноября цистерны взлетели на воздух: 400 тыс. литров спирта сгорели дотла, образовав потоки огня, растекшиеся по дорогам. Это стало одним из крупнейших актов диверсии Сопротивления в регионе в 1943 г. и первым крупным успехом группы Коше [Ruelle 1999–2001, р. 234]. Участие советских военнопленных, вероятно, внесло вклад в эту и другие диверсионные акции, поскольку они обладали боевым опытом подрывных действий, которого не хватало местным сопротивленцам.

Решающим условием адаптации в сеть Сопротивления стало налаживание коммуникации: преодоление языкового барьера, установление доверительных отношений с местным населением и сопротивленцами, что позволило включиться в коллектив. Участие в сети ОСМ-138 обеспечивало Сапожникова и Плахотнюка физическое выживание и возможность перехода к активному Сопротивлению.

Вооруженная стратегия выживания

Вместе с товарищами К. Бурже, Рене Камю, Марселем Варнье, Эмилем Дюху и поляком Леоном Висоцким Сапожников и Плахотнюк участвовали в диверсиях, приемке и перевозке парашютных сбросов [ibid, р. 254].

К. Бурже вспоминал: «Мы взрывали железнодорожные линии, нарушали связь, организовывали саботаж, где могли. Действовали только по ночам, а днем скрывались у меня в доме. Вскоре гитлеровцам стало известно о нашей деятельности. Тогда я, Степан, Анатолий и другие наши товарищи ушли в леса. Степан стал нашим командиром. Даже в лесу он находил время учиться – мы достали франко-русский словарь, и скоро он стал довольно прилично говорить по-французски. Моя жена приходила тайком к нам в лес, приносила продукты, рассказывала обо всех передвижениях фашистов» [Вайнштейн 1964 (5 сентября), с. 5].

В канун высадки союзников в Нормандии ненасильственное Сопротивление во Франции стало массовым, проявляясь в экономических диверсиях и хищении продовольственных карточек. С началом Нормандской операции 6 июня 1944 г. и открытием Второго фронта французские организации Сопротивления активизировали борьбу. По всей Франции участились диверсии на железных дорогах, линиях связи и электросетях, нападения на гарнизоны и склады. В департаменте Нор с мая по июнь 1944 г. число аварий на путях выросло с 13 до 85, а повреждений высоковольтных и телефонных линий – с 2 до 71 [Черкасов 2021, с. 262]. Успехи подполья были тесно связаны с продвижением союзников после высадки в Нормандии.

Ответом немцев стало развертывание антипартизанских карательных экспедиций. Потерь среди отряда ОСМ-138 избежать не удалось: в июне 1944 г. гестапо арестовало Коше, который, несмотря на пытки, не выдал соратников, и вместе с двумя товарищами был отправлен в отряд смертников в Бремен. После его ареста руководство сетью ОСМ-138 перешло к А. Брику из Нуврон-Вингре, а командование третьей группой отряда доверили Степану Сапожникову [Ruelle 1999–2001, p. 244; 232].

Лишь в конце июля – начале августа 1944 г. войска союзников совершили прорыв. 25 июля началась операция «Кобра», позволившая прорвать немецкую оборону и завершившаяся «Фалезским котлом». Значительный вклад в последующую ликвидацию германской группировки в котле внесли акции Сопротивления по саботажу на железнодорожных и автомобильных коммуникациях в департаментах Нор и Па-де-Кале, что вынуждало вермахт перенаправлять либо задерживать конвои с подкреплениями, предназначенными для прорыва окруженных войск [Thierry 2013, p. 187–190]. В конце августа приближение освобождения стало ощутимым и в округе Суассона. Парижское восстание 19–25 августа позволило американским и французским частям двинуться прямо на северо-восток Франции.

В Нуврон-Вингре напряженность нарастала с середины августа: уже 17 числа стало известно, что военная комендатура оккупантов в Суассоне составила список из 14 подозреваемых, и опасаясь арестов, многие бойцы, включая А. Брику, ушли в леса. В ходе боев за Суассон 28–29 августа американцы под-

били немецкий танк «Пантера» и грузовик прямо в городе, что показывало, что моторизованные части вермахта еще продолжали оказывать сопротивление наступающим войскам союзников [29 août 1944].

27 августа 1944 г. жена К. Бурже сообщила группе Сапожникова (Бурже, Брик, Сапожников, Плахотнюк и еще один француз), что отступавшие из Нуврон-Вингре германцы ослабили охрану крупного склада оружия и боеприпасов. Там оставались лишь двое советских коллаборационистов из частей Восточных войск вермахта, находившиеся в сильном опьянении. По воспоминаниям П. Лагарда, подпольщики захватили склад, взяли двух противников в плен и заперли их в сарае. Раздав оружие местным жителям, они организовали его охрану. Через два дня плененных коллаборационистов решили перевести в Суассон, где уже находились американцы. Провожатым вызвался Клод Демори. Рано утром он отправился с велосипедом, в синей шинели французской армии, с повязкой «FFI» на рукаве и оружием за поясом. В Суассоне он передал пленным союзникам и разделил радость горожан по случаю освобождения. На обратном пути Демори столкнулся с немецкой группой – легковой автомобиль с пятью людьми, включая офицеров, и фургон с двумя немцами – направлявшейся в Нуврон-Вингре к оставленному ранее складу. Замеченный противником француз вступил в перестрелку и был убит [Lagarde 1979, p. 4].

Позже наблюдатели из Нуврон-Вингре заметили приближение этих машин. Группа Сапожникова, контролировавшая в это время въезд в поселение, организовала засаду из винтовок и пулеметов: грузовику перебили шины, и он остановился за домом. Сапожников вместе с Анатолием бросили гранаты в сторону грузовика. Но во время второго броска Сапожников трагически поскользнулся, упал и погиб от взрыва своей гранаты. После войны А.Н. Плахотнюк вспоминал: «В этом бою мы были со Степаном рядом. В 5 метрах он был от меня, когда вражеская граната сразила его. Только успел крикнуть – “Бей фашистов! Умираю. Передай прощальный привет моей семье в нашу Россию”. Я бросился к нему, но было поздно... Друг мой был сражен. Ярость переполнила сердце. Партизаны с новой силой ринулись на фашистов. Гранатой я подорвал их машину, штыком заколол офицера. Из немцев никто не ушел. Всех перебили. Но радости у меня не было. Я вернулся к Степану и рыдал горькими слезами. Ведь остался один вдалеке от родной страны без старшего товарища и друга» [Письма участников, л. 17].

Спустя два дня после гибели Сапожникова, оставшийся без командира Плахотнюк самостоятельно подошел к сараю с пленными двумя немцами и открыл по ним огонь. Их тела французы похоронили в саду, замаскировав посадкой вишни [Lagarde, p. 5].

После войны Бурже вспоминал: «Мы были потрясены гибелью такого человека, ставшего нам родным и близким. Он был всегда для нас примером в минуту опасности» [Вайнштейн 1964 (5 сентября), с. 5]. 2 сентября, когда

американские части проходили через деревню, в Нуврон-Вингре не ощущалось обычной радости, по воспоминаниям Плахотнюка: «Многие партизаны плакали и клялись жестоко отомстить врагу за командира. Ведь Степана очень любили» [Письма участников, л. 17]. На похоронах Сапожникова и еще двоих французских партизан погибших при отступлении германских войск из Нуврон-Вингре были все жители деревни. Могилу Сапожникова обложили цветами, поставили памятник и написали по-русски и по-французски: «Les FFI De Nuvron-Vingre a leur camarade de combat Степан Сапожников»³.

А.Н. Плахотнюк после событий в Нуврон-Вингре вступил во французскую армию и продолжил борьбу до конца войны. После ее окончания он вернулся в СССР [Lagarde 1979, р. 6]. За время войны из состава сети ОСМ-138 погибло 13 человек – в основном в боевых операциях или были расстреляны после ареста. Еще трое участников, среди них Г. Коше, которые ранее были депортированы в Германию, позднее вернулись во Францию [Ruelle 1999–2001, р. 254].

Мы не предлагаем трактовку выживания как «заслугу», а гибель – как «неуспех». Гибель С.Е. Сапожникова позволила ему сохранить офицерское достоинство, войти в коллективную память и закрепить образ советского солдата как союзника и соратника французов в борьбе против общего врага. Партизанская деятельность в данном случае выступила особой формой вооруженной стратегии выживания, совмещавшей борьбу с необходимостью сохранения самого существования.

Локальная память

Благодаря оренбургскому писателю М.М. Вайнштейну история Сапожникова сначала была опубликована в местной газете «Южный Урал», а затем – в «Красной Звезде». 9 мая 1965 г. Оренбургская студия телевидения показала повесть «Твой сын, Россия», посвященную памяти С.Е. Сапожникова. После спектакля начальник политотдела областного военкомата передал семье Сапожникова на вечное хранение медали «За оборону Одессы» и «За оборону Севастополя». Решением Оренбургского городского Совета улица, где жили сыновья Сапожникова, была переименована в «улицу Сапожникова». По ходатайству облвоенкомата его вдове Лидии Степановне назначили персональную пенсию, а школе в селе Нижнеозерное, на его родине, присвоили имя Степана Евгеньевича Сапожникова [Письма участников, л. 4; 20]. Во Франции память о С.Е. Сапожникове сохраняется в коммуне Нуврон-Вингре как часть истории местного Соппротивления. Местные жители рассматривают его и А.Н. Плахотнюка как союзников, чья жертва стала символом единства в борьбе против оккупации.

3. Скорее всего, звание «подполковник», на французский манер «colonel» было присвоено Сапожникову символически.

Заключение

Вступление в движение Сопротивления трактуется нами как результат индивидуального выбора, осуществляемого в конкретных социальных и территориальных условиях, а не как следствие стечения обстоятельств. На примере Степана Сапожникова можно выделить несколько типов стратегий выживания, превращавших военнопленного в участника Сопротивления. Материальная стратегия включала поиск пищи, одежды и укрытия. Организационная выражалась в интеграции в сеть Сопротивления. Социально-коммуникативная проявлялась в освоении языка, прохождении проверок со стороны подполья и помощи местных жителей. Вооруженная стратегия выживания являлась особым типом, когда сохранение жизни достигалось через участие в диверсиях и боевых операциях. Опыт Сапожникова иллюстрирует, что для советских военнопленных во Франции стратегии выживания выходили за рамки простого сохранения жизни. Биографии таких «невидимых» участников встраивают вклад советских граждан в общую историю всего европейского движения Сопротивления.

Автор выражает признательность Паскаль Лагард и Бернару Рюэлю за предоставленные замечания, уточнение сведений и сохранение памяти о Степане Евгеньевиче Сапожникове и его товарищах.

Библиография

- Вайнштейн М.М. Командир отряда маки // Южный Урал. 1964. 20 февраля. С. 2.
- Документы об участии советских граждан в движении Сопротивления во Франции // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 553. Оп. 1. Д. 1.
- Материалы Сапожникова Степана Евгеньевича // Документальный фонд Центрального музея Вооруженных Сил МО РФ. 4/43839/1.
- Наградной документ // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф. 33. Оп. 682524. Д. 15.
- Письма участников зарубежного Сопротивления в годы Великой Отечественной войны Смирнову С.С. с воспоминаниями и по другим вопросам // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2528. Оп. 7. Д. 290.
- Приказ об исключении из списков // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 268.
- Решетников С.В. Репатриация советских граждан и участников движения Сопротивления из Франции в СССР // Новейшая история России. 2023. Т. 13. № 3. С. 745–758.
- Решетников С.В. Русские эмигранты и советские граждане во французском движении Сопротивления 1943–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М.: ИРИ РАН, 2025. 304 с.
- Сак К.В. Социальная адаптация советских женщин к условиям нацистской оккупации (1941–1944 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2025. Т. 16. Специальный выпуск. URL: <https://history.jes.su/s207987840034611-1-1/> (дата обращения: 27.08.2025).
- Федоров А.А. Моя война с 1941 по 1945. Оборона Москвы, концлагерь в Германии, партизанский отряд во Франции. М.: АСТ, 2016. 508 с.

Черкасов П.П. Движение Сопротивления во Франции в период Второй мировой войны // Избранное: Статьи, очерки, заметки по истории Франции и России. М.: Издательство «Весь Мир», 2021. 768 с.

Вайнштейн М. М. Он сражался во Франции // Красная Звезда. 1964. 5 сентября. С. 5.

Bělín M.; Jelínek T.; Jurajda Š. Preexisting social ties among Auschwitz prisoners support Holocaust survival // PNAS. Proc. Natl. Acad. Sci. U.S.A. 2023. 11 Jul. URL: <https://www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.2221654120> (дата обращения: 27.08.2025).

D'Abzac-Epezy C. La France face au rapatriement des prisonniers de guerre allemands // Guerres mondiales et conflits contemporains. 2009. № 233. P. 93–108.

Dejonghe É. Chronique de la grève des mineurs du Nord / Pas-de-Calais (27 mai – 6 juin 1941) // Revue du Nord. 1987. T. LXIX. № 273. P. 323–345.

Dejonghe É. Requis ukrainiens et prisonniers de guerre soviétiques dans le Nord de la France 1942–1944 // Revue du Nord, hors-série. 1988. № 2. P. 731–738.

Domènech J.; Jesús J. Survival in a Nazi Concentration Camp: The Spanish Prisoners of Mauthausen // The Journal of Interdisciplinary History. 2021. Vol. 52. P. 351–382.

Douzou L. L'entrée en résistance // Le Mouvement social. 1997. № 180. P. 9–20.

Emeljanow V. Palliative Pantomimes: Entertainments in Prisoner-of-War Camps // Maunder A. (ed.). British Theatre and the Great War, 1914–1919. London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 269–286.

Gastaut Y. The Mountains as a Place of Resistance: The Case of the French Alps (1943–44) // Wer ist Walter. Sarajevo: Historijski muzej Bosne i Hercegovine, 2024. 694 p.

Holderness C.G. Pontiff J.E. Hierarchies and the Survival of POWs during WWII // Management Science. 2012. Vol. 58. P. 1873–1886.

Jacques J. A 'Most Astonishing' Circumstance: The Survival of Jewish POWs in German War Captivity during the Second World War // Social and Legal Studies. 2021. Vol. 30. P. 362–383.

Lagarde P. La mémoire des pierres. Paris: A. Michel, 1979. P. 1–6.

Marcot F. Dictionnaire historique de la Résistance. Paris: Robert Laffont, coll. «Bouquins», 2006. 1187 p.

Peschanski D. La France des camps. L'internement, 1938–1946. Paris: Gallimard, 2002. 555 p.

Raynaud A. Emmanuel d'Astier. La conversion d'un résistant. Paris: Fayard, 2022. 352 p.

Ruelle B. La Résistance dans la région vicoise, le secteur OCM 138 // Mémoires du Soissonnais. 1999–2001. Tome 2. Société archéologique et historique de Soissons. 311 p.

Service historique de la Défense (Vincennes). Résistance et France combattante. Guide des recherches en archives // Fondation de la France libre. URL: https://www.france-libre.net/site/wp-content/uploads/2015/12/guide_deteneur_archives_resistance.pdf (дата обращения: 27.08.2025).

Thiery L. La répression allemande dans le Nord de la France (1940–1944). Villeneuve-d'Ascq: Presses Universitaires du Septentrion, 2013. 368 p.

29 août 1944, la 3e division blindée américaine libère Soissons // Aisne.com. URL: <https://www.aisne.com/territoire/terre-memoire/1939-1945-seconde-guerre-mondiale/liberation-laisne/29-aout-1944-3e-division-blindee-americaine-libere-soissons> (дата обращения: 27.08.2025).

References

Bělín M.; Jelínek T.; Jurajda Š. Preexisting social ties among Auschwitz prisoners support Holocaust survival. Proc. Natl. Acad. Sci. U.S.A. 2023. Vol. 120. URL: <https://www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.2221654120> (date of access: 27.08.2025).

Central Archive of the Ministry of Defence of the Russian Federation (TsAMO RF). F. 33, inv. 11458, file 268. Prikaz ob isklyuchenii iz spiskov [Order on striking from the rolls]. (In Russ.)

Cherkasov P.P. Dvizhenie Soprotivleniya vo Frantsii v period Vtoroy mirovoy voyny [The Resistance Movement in France during World War II]. In: Izbrannoe: Stat'i, ocherki, zametki po istorii Frantsii i Rossii. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2021. 768 p. (In Russ.)

D'Abzac-Epezy C. La France face au rapatriement des prisonniers de guerre allemands. Guerres mondiales et conflits contemporains. 2009. N 233. Pp. 93–108.

Dejonghe É. Chronique de la grève des mineurs du Nord/Pas-de-Calais (27 mai–6 juin 1941). Revue du Nord. 1987. T. LXIX. N. 273. Pp. 323–345.

Dejonghe É. Requis ukrainiens et prisonniers de guerre soviétiques dans le Nord de la France 1942–1944. Revue du Nord, hors-série. 1988. N 2. Pp. 731–738.

Dokumental'nyy fond Tsentral'nogo muzeya Vooruzhennykh Sil MO RF [Documentary Fund of the Central Armed Forces Museum of the Russian Federation]. 4/43839/1. (In Russ.)

Domènech J.; Jesús J. Survival in a Nazi Concentration Camp: The Spanish Prisoners of Mauthausen. The Journal of Interdisciplinary History. 2021. Vol. 52. Pp. 351–382.

Douzou L. L'entrée en résistance. Le Mouvement social. 1997. N 180. Pp. 9–20.

Emeljanow V. Palliative Pantomimes: Entertainments in Prisoner-of-War Camps. In: Maunder A. (ed.). British Theatre and the Great War, 1914–1919. London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 269–286.

Fedorov A.A. Moya voyna s 1941 po 1945: Oborona Moskvy', konczlager' v Germanii, partizanskij otryad vo Francii. [My War from 1941 to 1945: Defense of Moscow, a concentration camp in Germany, and a partisan unit in France]. Moscow: AST, 2016, 508 p. (In Russ.)

Gastaut Y. The Mountains as a Place of Resistance: The Case of the French Alps (1943–44). Wer ist Walter. Sarajevo: Historijski muzej Bosne i Hercegovine, 2024. 694 p.

Holderness C.G.; Pontiff J.E. Hierarchies and the Survival of POWs during WWII. Management Science. 2012. Vol. 58. Pp. 1873–1886.

Jacques J. A 'Most Astonishing' Circumstance: The Survival of Jewish POWs in German War Captivity during the Second World War. Social and Legal Studies. 2021. Vol. 30. Pp. 362–383.

Lagarde P. La mémoire des pierres. Paris: A. Michel, 1979. P. 1–6.

Marcot F. Dictionnaire historique de la Résistance. Paris: Robert Laffont, “Bouquins”, 2006. 1187 p.

Materialy Sapozhnikova Stepana Evgen'evicha [Materials of Stepan Evgenievich Sapozhnikov]. Documentary Fund of the Central Armed Forces Museum of the Russian Federation. 4/43839/1. (In Russ.)

Peschanski D. La France des camps. L'internement, 1938–1946. Paris: Gallimard, 2002. 555 p.

Reshetnikov S.V. Repatriatsiya sovetskikh grazhdan i uchastnikov dvizheniya Soprotivleniya iz Frantsii v SSSR [Repatriation of Soviet Citizens and Members of the Resistance from France to the USSR]. Noveyshaya istoriya Rossii. 2023. Vol. 13. N. 3. Pp. 745–758. (In Russ.)

Reshetnikov S.V. Russkie emigranty i sovetskie grazhdane vo frantsuzskom dvizhenii Soprotivleniya 1943–1945 gg.: dis. ... kand. ist. nauk. [Russian Émigrés and Soviet Citizens in the French Resistance, 1943–1945: PhD Thesis]. Moscow: IRI RAN, 2025. 304 p. (In Russ.)

Ruelle B. La Résistance dans la région vicoise, le secteur OCM 138. Mémoires du Soissonnais, 1999–2001, tome 2. Soissons: Société archéologique et historique de Soissons. 311 p.

Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). F. 2528, inv. 7, file 290. Pis'ma uchastnikov zarubezhnogo Soprotivleniya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny S.S. Smirnovu s vospominaniyami i po drugim voprosam [Letters of members of the foreign Resistance to S.S. Smirnov during the Great Patriotic War]. (In Russ.)

Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). F. 553, inv. 1, file 1. Dokumenty ob uchastii sovetskikh grazhdan v dvizhenii Soprotivleniya vo Frantsii [Documents on the participation of Soviet citizens in the Resistance movement in France]. (In Russ.)

Sak K.V. Sotsial'naya adaptatsiya sovetskikh zhenshchin k usloviyam natsistskoy okkupatsii (1941–1944 gg.) [Social Adaptation of Soviet Women to the Conditions of Nazi Occupation (1941–1944)]. Istoriya, 2025, vol. 16, special issue. URL: <https://history.jes.su/s207987840034611-1/> (date of access: 27.08.2025). (In Russ.)

Service historique de la Défense (Vincennes). Résistance et France combattante. Guide des recherches en archives. Fondation de la France libre. URL: https://www.france-libre.net/site/wp-content/uploads/2015/12/guide_detenteur_archives_resistance.pdf (date of access: 27.08.2025).

Thiery L. La répression allemande dans le Nord de la France (1940–1944). Villeneuve-d'Ascq: Presses Universitaires du Septentrion, 2013. 368 p.

TsAMO RF. F. 33, inv. 682524, file 15. Nagradnoy dokument [Award document]. (In Russ.)

29 août 1944, la 3e division blindée américaine libère Soissons. Aisne.com. URL: <https://www.aisne.com/territoire/terre-memoire/1939-1945-seconde-guerre-mondiale/liberation-laisne/29-aout-1944-3e-division-blindee-americaine-libere-soissons> (date of access: 27.08.2025).

Vaynshteyn M.M. Komandir otryada maki [Commander of a Maquis Detachment]. Yuzhnyy Ural. 1964. 20 February. (In Russ.)

Vaynshteyn M.M. On srazhalsya vo Frantsii [He Fought in France]. Krasnaya Zvezda. 1964. 5 September. (In Russ.)